У. САРОЯН В СОВЕТСКОЙ КРИТИКЕ
(1935-1975 годы)

Выдающийся американский писатель У.Сароян на протяжении всей своей долгой творческой жизни вызывал самые разные оценки и мнения, подчас меняющиеся на противоположные, однако несомненно, что он обогатил американскую литературу XX века своим совершенно особым талантом, интерес к которому со временем не угасает, но изменяется, обретая новую глубину и ретроспективную масштабность. Цель нашей статьи - попытаться представить восприятие творчества У.Сарояна в советской критике, показать динамику изменения мнений и оценок советских критиков, восстановить "шум времени", на фоне которого звучал неповторимый голос Уильяма Сарояна.

Воздействие У.Сарояна на литературную жизнь США тридцатых-сороковых годов XX века было настолько сильным, что он стал воплощением определенного кредо, философии, и, сколь ни велико было географическое и идеологическое расстояние между США и СССР, взлет "отважного юноши" на литературный Олимп не прошел незамеченным и по эту сторону океана. В 1935 году сразу два советских издания – журнал "Интернациональная литература" и газета "Неделя" - напечатали переводы нашумевшего рассказа "The Dairing Young Man on the Flying Trapeze". Однако эти переводы - "Бесстрашный юнец на трапедии"¹ и "Туда, где свободен трапедии взлет"² - остались практически незамеченными литературными критиками, как и напечатанный в "Огоньке" через четыре года перевод рассказа "The Mexicans" ("Хороший год")³. И это при том, что в том же 1935г. Сароян приехал в Советский Союз, хотя "результат" этой поездки - изданная в 1936г. книга "Inhale-Exhale" ("Вдох-Выдох") – вряд ли мог способствовать популяризации творчества писателя в СССР. Вл. Шахназарян в эссе "Все люди армяне" в этой связи пишет: "Эту книгу в Стране Советов предадут анафеме, а имя автора будет под запретом до 60-х годов. Еще бы! Уэллс, Ромен Роллан, Фейхтвангер, Драйзер, Барбюс, даже хитроумный Бернард Шоу рассыпались в комплиментах всепобеждающей идеологии, согласно которой возводилось новое государство, и только вот совсем молоденький писатель сумел разглядеть неприглядное лицо тотали-

¹ "Бесстрашный юнец на трапедии". Пер. И.Романович. "Интернациональная литература". N8, 1935г., с.110-113

² "Туда, где свободен трапедии взлет". Пер. Ю.Жукова. "Неделя". 1935г., N961. с.26-29

³ "Хороший год". Пер. П.Охрименко. "Огонек", 1939, N18, с.12-13

таризма, написать бескомпромиссную книгу... Тоталитаризм Сароян не принял"⁴.

Впрочем, журнал «Интернациональная литература» практически сразу после публикации сарояновского рассказа предпринял попытку полнее представить советскому читателю личность и творчество американского писателя. В ходе его поездки У.Сарояну была предоставлена возможность выступить в традиционной рубрике журнала, где печатались автобиографии писателей, написанные специально для этого журнала. Результат оказался несколько неожиданным: "Автобиография" получилась настолько ироничной, веселой, настолько восхитительно "сарояновской", что редакция была вынуждена в специальной сноске отмежеваться от публикуемого материала и заклеить автора как аполитичного циника: "Помещая автобиографию У.Сарояна как документ об отношении некоторых писателей в странах капитализма к своей профессии, редакция считает необходимым отметить, что такой цинизм, какой проявляет Сароян, отнюдь не свойственен действительно революционным писателям... А за ироническими шуточками Сарояна скрывается бесчеловечность писателя, не знающего, зачем и для каких целей он пишет"⁵. У.Сароян действительно не мог похвастаться политической грамотностью, хотя и находил в себе что-то бунтарское: "С третьего класса, когда стал пробиваться мой революционный инстинкт, я впервые заслужил репутацию самого зловредного мальчика в школе, и очень часто меня ставили в угол, ругали, дергали за волосы и за уши, посылали в кабинет начальника, поучали и, наконец, выгнали из школы"⁶. Так же легко он написал о своем тяжелом детстве, о безуспешных попытках подняться "по капиталистической лестнице" и о своем писательском призвании.

Легкость эта – такая неожиданная и не уместяющаяся в привычные рамки и представления – вызвала некоторую оторопь у советских критиков: после публикации рассказов и автобиографии писателя понадобилось целых пять лет, чтобы гневно обличить Сарояна. 6 октября 1940 года в "Литературной газете" была напечатана статья А.Прэтта⁷ "Клевета на

⁴ Вл.Шахназарян. "Все люди армяне". "Дружба Народов", 2001, N3, с.56.

⁵ "Интернациональная литература", N10, 1935г., с.175-176. Кстати, оговорки подобного рода журналу не помогли: в 1943 году журнал был закрыт за распространение "чуждых идей", и только в декабре 1954г. Второй съезд советских писателей принял постановление об издании журнала "Иностранная литература". См. "Литературный энциклопедический словарь", М., "Советская энциклопедия", 1987г., с.127.

⁶ "Интернациональная литература", N10, 1935г., с.175.

⁷ Не беремся однозначно утверждать, что критик А.Прэйт не существовал в природе и является, скорее всего, звучным "прикрытием" какого-нибудь советского борзописца, однако в литературных справочниках и энциклопедиях под этой фамилией упоминается только

героев Стейнбека", где резко критиковалась пьеса У.Сарояна "Love's Old Sweet Song" ("Старая нежная песня любви"), бродвейская премьера которой состоялась в апреле того же года. Характерно, что сама пьеса на русский язык не переводилась, и у читателей не было никакой возможности составить о ней собственное мнение, да критик и не анализирует художественные достоинства или недостатки пьесы, он вообще практически не пишет о самой пьесе, а только бурно негодует в связи с тем, что Сароян "посягнул" на героев "по-настоящему прогрессивного писателя" Стейнбека. Таким образом, перед нами классическая для советской критики того периода ситуация, когда резкой критике подвергается произведение, в данном случае пьеса, которую никто в СССР не читал и тем более не видел на сцене.

В сороковые годы по понятным причинам произведения Сарояна не переводились и не рецензировались, хотя для самого Сарояна это был очень плодотворный период: в эти годы были написаны такие известные пьесы, как "Прекрасные люди" ("The Beautiful People", 1941), "Эй, кто-нибудь" ("Hello Out There", 1942), "Убирайся, старик!" ("Get Away Old Man", 1943) и др., тогда же создавались "Человеческая комедия" ("The Human Comedy"⁸) и "Приключения Весли Джексона" ("The Adventures Of Wesley Jackson", 1946). Однако всплеск интереса советской литературной критики к творчеству Сарояна приходится уже на послевоенный период. Комментируя его пьесу "Джим Дэнди" (1947), критики не стесняются в выражениях: статья Д.Заславского названа "Литературная гниль"⁹. М.Морозов, хотя и более корректен в выборе заглавия ("Иллюзии и горькая правда"), пишет о пьесе с гневным пафосом: "Это не просто глупость и не просто пошлость! Это фабрикация сознательного обмана, которой в США занимается весьма значительное количество людей, называющих эту фабрикацию «искусством»"¹⁰. Критик предвидит скорую гибель американского общества в болоте "благотворной иллюзии", из которого ему не дают вырваться "темные силы реакции" в лице того же Уильяма Сарояна. Менее всего авторов этих статей интересует литературоведческий анализ творчества Сарояна – то или иное произведение рассматривается исключительно сквозь призму "идейных задач" и политической направленности. В этом смысле знаменательна статья М.Мендельсона "Декадент-утешитель". Это своеобразная панорама всего творчества Сарояна: критик анализирует несколько рассказов, пьесы "Годы твоей

канадский поэт-неоромантик Эдвин Прэтт, не имеющий к упоминаемой статье никакого отношения.

⁸ В 1941г. был написан сценарий для Голливуда, а уже в 1943г. издана книга с этим названием.

⁹ Д.Заславский. "Литературная гниль". "Новое время", N13, 1949г., с.24-27.

¹⁰ М.Морозов. "Иллюзии и горькая правда" - "Литературная газета", 1948г., 25 февраля.

жизни" (1939) и "Джим Дэнди", романы "Человеческая комедия" и "Приключения Весли Джексона". Но его "анализ" выстроен как череда оскорбительных комментариев, доказательств заведомой ущербности, декадентской "архиреакционности" идеологически чуждого писателя: "Юродствуя самым отвратительным образом, писатель использует евангельский призыв к "любви" для прямых вылазок против американского рабочего движения"; "Сароян пользуется флагом человеколюбия для того, чтобы выдать за "идеальных людей" тех похотливых вырожденков, которые на страницах его книг с идиотски-блаженной улыбкой принимают жалкую жизнь, на которую их обрекает капитализм"¹¹.

Выводы критика, пожалуй, красноречивее говорят о нем самом и о состоянии советской критики, нежели о предмете его анализа: "Оценив политическую обстановку в Америке, Сароян решил, что открытое воспевание американской буржуазной действительности, торговля иллюзиями принесут ему полную поддержку правящих кругов и дадут куда больше денег. ... Декадентская стряпня Сарояна порождена холодным расчетом литературного поденщика, находящегося в услужении у фашизирующей американской буржуазии"¹². Приговор был вынесен не только самому "декаденту-оптимисту", но и переводам и литературоведческому осмыслению его творчества. Имя Сарояна в СССР было табуировано вплоть до лучших времен.

После этой статьи прошли годы, переоценке в СССР подверглось если не все и вся, то очень многое, в том числе и далекий американский писатель Уильям Сароян. В период так называемой "оттепели" идеологизированная, клишированная критика, определяющая талант писателя только по принципу его принадлежности к "своим" и "чужим", если и не потеряла своей "актуальности", то смягчилась. "У нас украли мир", - говорила Анна Ахматова во времена железного занавеса¹³, поэтому стоило пресловутому занавесу чуть покачнуться, как в СССР начался настоящий переводческий и издательский бум: переводили, издавали и переиздавали Хемингуэя, Грина, Мориака, Ремарка, Сартра, Амаду, Белля, Фолкнера, Сент-Экзюпери и многих, многих других. Произведения Сарояна также оказываются чрезвычайно востребованными, появляется заметно больше сарояновских переводов, причем помимо многочисленных публикаций в периодике¹⁴ выходят отдельные сборники рассказов¹⁵, издаются такие

¹¹ М. Мендельсон "Декадент-утешитель". "Литературная газета", 1949г., 5 января, с.6.

¹² Там же, с.6.

¹³ Р. Орлова, Л. Копелев. "Мы жили в Москве", М. 1990г., с.118.

¹⁴ В 1954-1959гг. переводы рассказов У. Сарояна публикуют "Новый мир", "Иностранная литература", "Звезда", "Музыкальная жизнь", "Памир", "Пионер", "Нева", "Дружба народов".

крупные произведения как "Человеческая комедия"¹⁶ и "Приключения Весли Джексона"¹⁷, "Что-то смешное. Серьезная повесть"¹⁸, а журнал "Иностранная литература", признавая в нем одного из ведущих американских писателей и драматургов XX века, просит самого Сарояна ответить на вопросы анкеты: "О состоянии современной драматургии" (1956г.) и "Международной анкеты" (1958г.). Его ответы уже не так веселы и беззаботны, но все так же далеки от идеологической выверенности, хотя и безошибочно определяют "болевые точки" американской драматургии того периода: "«Успех», а не «провал» мешает всему театральному делу, а оно лопается от успеха. Драматурги, которым следовало бы работать вовсю и гордиться этим, загребают деньги и застенчиво играют в знаменитость"¹⁹.

Заметно меняется также тон посвященных писателю публикаций: именно в конце 50-х -- начале 60-х появились рецензии и статьи, представляющие советскому читателю, пусть с неизбежными оговорками и идеологическими инвективами, творчество Сарояна, обтекаемо называемого "одним из наиболее значительных писателей современной американской литературы". Таким образом, признание таланта Сарояна или, наоборот, инвективы в его адрес были напрямую связаны с общественно-политической ситуацией в СССР: стоило хотя бы немного ослабить жесткому идеологическому давлению государственной машины, как советские критики начинали руководствоваться критериями объективности и литературного вкуса.

В череде советских "сарояноведческих" публикаций 50-60-х годов особое место занимают публикации, инициированные и "пробитые" известной переводчицей и литературным критиком Р.Орловой (вместе с Л.Копелевым). Вспоминая то время, она писала, что для "пробивания" через железный занавес произведений тех или иных писателей требовались своеобразные "пропуска" в виде неперменных фраз в предисловиях, осуждающих "аморальность героя и авторскую склонность к декадансу", и такую "цензурно-таможенную пошлину" приходилось платить многим переводчикам и литературоведам. "Именно так поступали и мы, когда

"Литературная Армения", "Огонек", "Комсомольская правда", "Ленинец", "Красное знамя" и т.д.

¹⁵ У.Сароян. "60 миль в час". М., Детгиз, 1958г., "Три, четыре, пять, вышел зайчик погулять", М., "Правда", 1958г.

¹⁶ У.Сароян. "Человеческая комедия", Москва, Гослитиздат, 1958г.

¹⁷ У.Сароян. "Приключения Весли Джексона", Москва, Издательство иностранной литературы, 1959г.

¹⁸ У.Сароян. "Что-то смешное. Серьезная повесть", "Литературная Армения", 1963, NN5-8.

¹⁹ У.Сароян. Ответы на анкету "О состоянии современной драматургии". "Иностранная литература", 1956г., N2, с 280.

писали о Сарояне, Ремарке, Хемингуэе, Фолкнере, Кафке, Деблине, Ванчуре и др.²⁰ В предисловии к сборнику рассказов "60 миль в час" (1958г.) с характерным названием "Грустный и беспечный, добрый и насмешливый утешитель", откупаясь "пошлиной" традиционных фраз о "буржуазной ограниченности, гуманизме и утешительстве", Р.Орлова и Л.Копелев вместе с тем пишут и о художественном своеобразии сарояновского мира, анализируя его творчество именно с литературоведческих позиций: "...при очень большом разнообразии сюжетов и жанров всем его произведениям присуща определенная общая интонация, общий колорит грубовато-доброй, грубовато-ласковой иронии и задушевной, чуть грустной и вместе с тем озорной беспечности. Он словно и не приукрашает действительность, не обманывает ни себя, ни своих читателей, он видит мир вокруг себя таким, как он есть..."²¹. Отсюда и своеобразие "грамматики сарояновского повествования", которая не знает будущего времени, а только настоящее или прошлое. Р.Орлова и Л.Копелев отмечают интересную особенность Сарояна: он пишет так, словно до него "вообще не было литературы, и это он, Сароян, впервые на этой странице открывает чудесное искусство воплощения в словах человеческих образов, мыслей и чувств"²². Указывая, что дети – наиболее любимые герои сарояновской прозы, критики вместе с тем говорят об отсутствии в книгах Сарояна рассудочных, рефлектирующих, да и вообще интеллигентных людей. Героев Сарояна не занимают отвлеченные философские и социально-политические проблемы, их интересуют "самые простые и общие вопросы нравственности". Отмечается и своеобразное отражение национальной тематики в творчестве писателя: "В самой гуще этого стандартизированного, трезвого мира, вплетаясь в него, как разноцветный, но неяркий узор старинного выцветшего ковра, возникает неожиданно совсем иной мир восточной мечтательности: густой аромат медлительной и страстной, наивной и мудрой, печальной и насмешливой поэзии древнего и вечно юного армянского народа"²³.

Перу Р.Орловой принадлежит предисловие к "Приключениям Весли Джексона" - "Человек с чужим ружьем" (1959г.)²⁴, статьи "Ирония и

²⁰ Р.Орлова, Л.Копелев. "Мы жили в Москве", М. 1990, с. 134

²¹ Р.Орлова, Л.Копелев. "Грустный и беспечный, добрый и насмешливый утешитель", предисловие к сб. У.Сарояна "60 миль в час". М., "Детгиз", 1958г., с 5.

²² Там же, с.8.

²³ Р.Орлова, Л.Копелев. "Грустный и беспечный, добрый и насмешливый утешитель", предисловие к сб. У.Сарояна "60 миль в час". М., "Детгиз", 1958г., с.15.

²⁴ Р.Орлова. "Человек с чужим ружьем", предисловие к "Приключениям Весли Джексона". М., Изд. иностранной литературы, 1959

горечь"(1962г.)²⁵, "Грустный и беспечный, добрый и насмешливый утешитель" (1958г.). Творчество Сарояна, наряду с другими американскими писателями-наследниками "марктовеновских" традиций, рассматривается также в ее книге "Потомки Гекльберри Финна"²⁶ – все эти публикации характеризуются неизменно доброжелательным интересом к творчеству Сарояна, особенностям его мировосприятия, к проповедуемым им таким неидеологизируемым ценностям – детству, дому, семье, "связям человеческим". Позднее переводчица вспоминала: "Я думала, что познакомить читателей с еще одним хорошим американским писателем - это значит просверлить еще одну дырку в железном занавесе"²⁷. Р.Орлова и Л.Копелев, даже выплачивая "откупную пошлину" идеологическими фразами, старались выполнить наказ К.Чуковского, который как-то в разговоре с ними заметил: "Какое мне дело до политических взглядов Сарояна или Хемингуэя? Не более интересно, чем их взгляды на чайник или облака. Важно, что внес каждый из них в художественную сокровищницу. Вы владеете таким оружием, как слово. И вы должны писать именно о слове"²⁸.

В 1958г. журнал "Новый мир" публикует статью А.Таланова "Улыбка до боли в щеках". Критик обращает особое внимание на авторское предисловие к изданному в 1942г. в США сборнику "48 рассказов". Таланов щедро цитирует это предисловие, считая его программным для всего сарояновского творчества. Здесь Сароян абсолютно четко обозначает свои приоритеты: он "за" "безыменного человека, существующего во множестве, гонимого на смерть, запуганного, согнанного в толпы, униженного..." и "против" "всех людей, которые умышленно или бессознательно... призывают к смертоубийству сегодняшний мир беспомощных человеческих созданий"²⁹. Таланов считает, что "боль за трудную судьбу "маленького человека", живущего в обществе, устроенном несправедливо, стремление выразить свое сочувствие к нему хотя бы доброй улыбкой – это тоже проявление гуманизма, и такое проявление присутствует едва ли не во всем, что написал Сароян"³⁰. Критик отмечает юмор Сарояна, "ажурную легкость и непринужденность" его диалогов, тонкую наблюдательность, в то же время "дифференцируя"

²⁵ Р.Орлова. "Ирония и горечь". "Иностранная литература", N10, 1962, с.257-259.

²⁶ Р.Орлова. "Потомки Гекльберри Финна. Очерки современной американской литературы". М., 1964г.

²⁷ Р.Орлова, Л.Копелев "Мы жили в Москве". М. 1990, с.216.

²⁸ Цитируется по книге Р.Орлова, Л.Копелев "Мы жили в Москве". М. 1990, с.312

²⁹ А.Таланов. "Улыбка до боли в щеках". "Новый мир", 1958г., N4, с.254-257

³⁰ Там же, с.256.

улыбку Сарояна – от добродушно-оптимистической до горькой, "до боли в щеках", когда улыбка означает уже не беззаботное приятие мира "таким, каков он есть", но парадоксальным образом превращается в трагическую маску.

Ставя имя Сарояна в один ряд с именами Хемингуэя, Фолкнера, Колдуэлла, А.Таланов делает очень существенную оговорку: "Корни творчества Сарояна – не только в американской почве. Их питали и соки армянской земли – тот особый народный армянский юмор, в котором улыбка так часто смягчала гримасу боли, причиненной народу драматическим ходом его истории, та склонность к философической притче, что так характерна для армянских сказок"³¹. А.Таланов и Р.Орлова первыми из советских критиков отметили роль и значение "армянских корней" в сарояновском творчестве.

"Армянская тема" в русскоязычных сарояновских публикациях нашла свое естественное продолжение в журнале "Литературная Армения". Американский писатель Уильям Сароян был армянином и гордился этим, а журнал, представляя в первую очередь армянскую литературу, делал это на русском языке, то есть в обоих случаях происходило представление армянского духа и культуры неармянскому миру, своеобразный синтез культур. "Литературная Армения" никак не могла не откликнуться на это знаковое совпадение. На протяжении десятилетий журнал сознательно и последовательно публиковал произведения Сарояна, подарив читателям корпус блестящих переводов и литературоведческих исследований творчества писателя, рецензий на постановки его пьес³². На сраницах "Литературной Армении" были опубликованы не только многочисленные рассказы³³, но и такие крупные и важные для понимания творчества писателя произведения, как "Что-то смешное"³⁴, "Папа, ты сошел с ума!"³⁵, "Мама, я люблю тебя"³⁶, "Тигр Тома Трейси"³⁷.

Появление этих переводов и публикаций непосредственно связано с именем Н.А.Гончар – блестящего переводчика и исследователя

³¹ Там же с.257.

³² Х.Авекян. "Пьеса Вильяма Сарояна в театре им. Сундукяна". "Лит. Арм.", 1961г., №8, с.79-83.

³³ С 1959 по 1970гг. в "Литературной Армении" были опубликованы рассказы У.Сарояна "Наставление путнику" /пер. Я.Хачатрянц/: "Оджибвей - паровоз 38" /пер. Р.Воскерчян/: "Еще одно лето", "Огород с петрушкой" /пер. В.Кузнецов/: "Армянская мышь". "Бессонница отца" /пер. М.Караян/: "Мой кузен Тигран - оратор" /пер. И.Карумян/: "Брат Билла Маг-Ги", "Гренландия". "Владимир". "Старушка дышит". "Сестра милосердия, ангел. дочь игрока". "Париж и Филадельфия" /пер. Н.Гончар/.

³⁴ У.Сароян "Что-то смешное". "Литературная Армения", 1963г., NN5-8. /пер. Н.Гончар/

³⁵ У.Сароян. "Папа, ты сошел с ума!". "Лит. Армения", 1964г., NN10-11. /пер. Н.Гончар/;

³⁶ У.Сароян. "Мама, я люблю тебя". "Лит. Армения", 1970г., NN1-4. /пер. Р.Рыбкин/;

³⁷ У.Сароян. "Тигр Тома Трейси". "Литературная Армения", 1971г., N2. /пер. Р.Рыбкин/;

творчества Сарояна, не оглядывающегося на какие бы то ни было идеологические установки и директивы. Вклад Н.Гончар в сарояноведение, в формирование "русского Сарояна" невозможно вместить в обзор советской критики или же в обозначенные в заглавии временные рамки, свести к перечню сарояновских переводов и посвященных ему статей, тем более что, помимо всего перечисленного, Н. А.Гончар - автор первой монографии о У.Сарояне³⁸ на русском языке, и, думается, тема эта должна стать предметом отдельного исследования.

В начале 1959г. в журнале публикуется эссе Сарояна "Встреча с Егише Чаренцом", где Сароян рассказывает о встрече с поэтом, "очень верно символизирующим собою несокрушимость армянского духа, жизни, культуры - где бы то ни было на земле"³⁹. Тогда же была напечатана рецензия С.Гуллакян "Любовь к человеку", приуроченная к выходу в свет книг Уильяма Сарояна на армянском языке. Несмотря на фразы о неприемлемости для советских людей взглядов У.Сарояна "на жизнь, на закономерности ее развития", сетования, что писатель "не поднимается до больших социальных обобщений", Гуллакян говорит прежде всего о "большом таланте", "самобытном писателе", который пишет хоть и очень просто, но "простота эта не имеет ничего общего с упрощенчеством или примитивизмом. Она свидетельство большого таланта. Поэтому образы, созданные им, так обаятельны, картины жизни так впечатляющи"⁴⁰. Гуллакян определяет доминанту произведений Сарояна: "Красота – вот к чему стремятся герои Сарояна"⁴¹. Они хотели бы "сажать красоту, как цветы" и любоваться ее ростом, но красота эта недосыгаема, а утешение, даруемое ею, иллюзорно, призрачно, откуда такой частый в произведениях Сарояна мотив "утраченных иллюзий". Между тем мотив "утраченных иллюзий" напрямую связывает Сарояна с ключевыми фигурами реалистической прозы, напрочь исключая какие бы то ни было обвинения в легковесности и примитивизме, однако критик не углубляется в анализ литературных "корней" Сарояна. Другим путем идет новомировский критик М.Злобина, также анализировавшая тему красоты в творчестве писателя: "Сароян видит мир в его первозданной красоте и не устает восхищаться и удивляться ему... "открывая" старые, как мир, банальные истины, "простейшее счастье бытия" с восторгом и непосредственностью,

³⁸ Н.Гончар. "Вильям Сароян и его рассказы". Ереван, 1976г.

³⁹ У.Сароян. "Встреча с Егише Чаренцом". "Литературная Армения", 1959г., №3, с.121-122.

⁴⁰ С.Гуллакян. "Любовь к человеку". "Литературная Армения", 1959г., №3, с.142-146.

⁴¹ Там же, с.145.

которая обычно свойственна лишь молодости"⁴². К недостаткам творчества Сарояна в целом и анализируемого ею романа "Приключения Весли Джексона" в частности М.Злобина относит отсутствие внятной антифашистской позиции, "многословную и пышную декламацию", тесное переплетение беспощадной критики общества и "наивной беспомощности иллюзий". Однако она отмечает, что "Сароян искренен, даже когда заблуждения его очевидны. Он никого не обманывает - он обманывается сам"⁴³. Говоря о любви Сарояна к "естественному человеку", М.Злобина отмечает на редкость органичное восприятие и отражение писателем традиций авантюрно-бытовых романов XVIII века в романе "Приключения Весли Джексона". Однако в отличие от произведений Лесажа или Филдинга благополучный конец "Весли Джексона" носит условный характер. Герой Сарояна – не действующее лицо, а, так сказать, объект приложения различных сил, и Сароян пользуется наивностью Весли для отстранения привычных понятий и событий. Злобина считает, что "он судит общество с позиций своеобразного руссоизма"⁴⁴. Представляется, однако, что М.Злобина, справедливо отмечая отраженную в самой структуре "Весли Джексона" обращенность этого произведения Сарояна к традициям просветительского романа в литературе Европы, упускает из виду более глубинную связь произведения Сарояна с американским трансцендентализмом (Р.У. Эмерсон, Г. Торо, Н.Готорн), подвергавшим критике индустриализацию и урбанизацию и провозгласившим культ природы и простой жизни; а также не замечает преемственности между куперовским Натти Бампо и сарояновским Весли Джексоном⁴⁵. Однако в этой позиции Злобиной уже как бы очевидна эволюция восприятия Сарояна от мастера "фабрикации сознательно обмана" до Сарояна-идеалиста и Сарояна - значительного писателя, творчество которого исследуется в русле общемировых литературных процессов. Эволюция эта связана не только с "прозрением" советской критики или прояснением ее зашоренных идеологией взглядов, но и с появившейся возможностью заглянуть по ту сторону железного занавеса, увидеть или, по крайней мере, попытаться увидеть американских писателей такими, как они есть.

Этот процесс можно проследить и на примерах сарояноведческих публикаций в журнале "Иностранная литература": если в 30-40-е Сароян именовался "литературным циником", то в самом конце 50-х журнал

---

⁴² М.Злобина. "«Естественный» человек в современном обществе". "Новый мир". 1959г., №6, с.256-258

⁴³ Там же, с.258.

⁴⁴ Там же, с.257.

⁴⁵ Наблюдение Е.В.Карабеговой.

пыгается разобраться в своеобразии творческого метода этого писателя. Так, В.Неделин, рецензируя русское издание "Человеческой комедии" в своей статье "Смерть, не ходи в Итаку", пишет о художественных особенностях этого произведения, справедливо отмечая, что "Человеческая комедия" - это "повесть об "открытии мира" Улиссом и Гомером", позволяющая писателю "в простейшей, даже наивной форме ставить волнующие его вопросы о добре и зле, о любви к человеку и о смысле жизни..."⁴⁶. Считая гуманизм Сарояна "простым", "ограниченным" и "абстрактным", отвергая его "утешительство", В.Неделин тем не менее надеется, что "советский читатель оценит не только литературное мастерство писателя, но и непрестанное искание в людях доброго, умного, мужественного и веселого, несмотря на невеселую жизнь, окружающую их"⁴⁷. Более того, он критикует Н.Ветошкину - автора предисловия к первому советскому изданию "Человеческой комедии"⁴⁸, считая, что она не определила "место Сарояна в литературном процессе современности" и неверно объяснила "сентиментальность, вообще присущую манере Сарояна, творческими срывами писателя"⁴⁹.

В 60-м году Сароян приехал в СССР и в советской прессе появились репортажи и интервью совершенно иной тональности: газеты запестрели статьями и заметками, где Сароян называется "известным", "знаменитым", "выдающимся" американским писателем⁵⁰. Но все эти заметки и статьи - всего лишь дань политической конъюнктуре, они демонстрируют большой интерес к Сарояну - представителю "заатлантического буржуазного мира", нежели к Сарояну-писателю. Однако этот визит и сопутствующий ему ажиотаж способствовали появлению целого ряда постановок пьес писателя на советской сцене и публикаций, в том числе посвященных драматургии Сарояна. Так, на осуществленную в 1961г. ереванским театром им. Сундукяна постановку пьесы "В горах мое сердце" отреагировали и "Литературная Армения"⁵¹, и журнал "Театр", напечатавший восторженную рецензию Л.Ахвердяна. Рецензент пишет, что эта постановка позволила зрителям услышать подлинно сарояновскую интонацию, делающую

⁴⁶ В.Неделин. "Смерть, не ходи в Итаку". "Иностранная литература", N1, 1959г. с.253-254.

⁴⁷ Там же, с.253.

⁴⁸ Н.Ветошкина Предисловие в книге «Человеческая комедия», с.5-12, М. Гослитиздат, 1958г.

⁴⁹ В.Неделин. "Смерть, не ходи в Итаку". "Иностранная литература", N1, 1959г., с.253-254.

⁵⁰ См., например, "В Москве хочется петь!". "Советская культура", 1960, 5 ноября; "Ваш прогресс изумляет". "Известия", 1960, 29 сентября; "Гений" (Л.Толстой). "Литературная газета", 1960, 24 ноября; "Встречи с Уильямом Сарояном". "Литературная газета", 1960, 29 сентября.

⁵¹ Аветян Х. "Пьеса Вильяма Сарояна в театре имени Сундукяна". "Литературная Армения". 1961г., N8, с.79-83.

значительными людей незначительных, в которой "угадывается... способность увидеть и раскрыть богатство внутреннего мира, спрятанное за нищенским бытом и нищенским обликом героев"⁵². Таким же богатым представляется критику сам мир Сарояновской пьесы: "Не сразу и не вдруг ощушаешь все ее внутреннее богатство, высокую поэтичность и покоряющую естественность"⁵³. Л.Ахвердян обращает особое внимание на решение постановщиков показывать пьесу без антракта, считая, что "это песня, которую нельзя обрывать"⁵⁴. Через несколько лет в "главной" газете Советской Армении – "Коммунисте" – появилась публикация В.Шахназаряна "Театр Уильяма Сарояна"⁵⁵, а в 1966г. вышел сборник пьес Сарояна "Путь вашей жизни"⁵⁶ с предисловием одного из переводчиков Я.Березницкого⁵⁷. В майском номере журнала "Театр" за 1967г. этот сборник рецензирует З.Глузберг, отмечая в своей статье характерные особенности драматургии писателя: "Пьесы Сарояна не привязаны к событиям, они универсальны относительно времени. Годы приходят и уходят, а люди остаются и улыбаются... и часто плачут. Мир Сарояна – это мир улыбающихся и плачущих взрослых детей, не устающих говорить о вечных проблемах"⁵⁸. По мнению критика, для Сарояна важно не то, что его герой сделает, а то, что он скажет, что и диктует конструкцию его пьес, где автор дает персонажам "максимальную возможность высказаться"⁵⁹. Так драматургия Сарояна удостоилась окончательного признания в советской критике.

В 60-70-е годы произведения Сарояна печатались в союзных и республиканских периодических изданиях⁶⁰, статьи и рецензии о них появлялись в "Литературной газете", журналах "Литературная Армения", "Театр" и "Современная художественная литература за рубежом". Геворг Эмин восхищался в "Литературной газете" "добрым сердцем" Сарояна, его органичностью, простотой и естественностью, которые сродни "росту травы или созреванию плода" – жизни, не ориентирующейся на всякие

⁵² Л.Ахвердян. Рецензия на пьесу "В горах мое сердце". "Театр", 1961. N11, с.118-120

⁵³ Там же, с.119.

⁵⁴ Там же, с.120.

⁵⁵ В.Шахназарян. "Театр Уильяма Сарояна" ("В горах мое сердце"). "Коммунист" (Ереван), 1964г., 22 марта.

⁵⁶ У Сароян. "Путь вашей жизни" М., "Искусство", 1966г.

⁵⁷ Я.Березницкий "В главной роли – Уильям Сароян". Предисловие к сборнику У.Сарояна "Путь вашей жизни", с.539-570.

⁵⁸ З.Глузберг. Рецензия на книгу "Путь вашей жизни". "Театр", 1967г., N5, с.111-112.

⁵⁹ Там же, с.112.

⁶⁰ Произведения Сарояна печатались, например, в "Искусстве кино", "Голосе Риги", "Литературной России", "Сменс", "Музыкальной жизни", "Звезде", "Ровеснике", "Неделе", "Молодежи Грузии" и т.д., и т.п.

"измы" и литературные школы. "Какая дерзость – так просто писать в наш век, старающийся ошеломить сложностью и покорить «суперноваторством»!"⁶¹. А.Мартынова отмечала "талант рассказчика, иронический стиль", философичность сарояновской прозы⁶².

Однако к этому времени оттепель кончилась, и идеологическая машина вновь набрала обороты. Советские критики вынуждены были спохватиться. Теперь акценты в их статьях поменялись местами: отмечая виртуозность прозы писателя, "честные и горькие мысли", "искры умной наблюдательности", содержащиеся в творчестве Сарояна, советские критики эпохи застоя подчеркивали, что материал этого творчества – "стихия тривиальности, пошловатого убожества"⁶³, а сам писатель относится к себе слишком "серьезно", "разбрасывается по мелочам", стремится к "оригинальничанью, позерству и саморекламе", "которые редко воспринимаешь всерьез"⁶⁴. Но проза Сарояна говорила сама за себя, находя в СССР почитателей или критиков, не ориентирующихся на мнения "официальных" рецензентов, на ослабление или "закручивание" идеологических "гаек". Творчество Сарояна стало также объектом научного интереса⁶⁵, его имя тесно вплелось в литературную жизнь СССР, и в дальнейшем картина этой литературной жизни, особенно "неофициальной", была бы уже неполной без этого "чужого" писателя. В этой связи интересно, как комментируют свое отношение к Сарояну замечательные русские писатели Сергей Довлатов и Венедикт Ерофеев в своих письмах. С.Довлатов в одном из писем говорит об американской литературе, развивающейся без оглядки на традиции. По словам Довлатова, американские писатели "рассказали о том, что такое поистине мужество, поистине честность, что такое простота, научили верить в удачу, в счастливый случай, верить в дорогу и в самого себя"⁶⁶. Довлатов, безусловно пристрастно, составляет своеобразный шорт-лист лучших американских писателей. Список этот состоит всего из шести имен, выбор которых отмечен явным влиянием первого и самого главного для

⁶¹ Г.Эмин. "Доброе сердце Уильяма Сарояна". "Литературная газета", 1973, с.15.

⁶² А.Мартынова. Рецензия на книгу "Days of Life and Death and Escape To The Moon".

"Современная художественная литература за рубежом". 1971, N4, с.42-43.

⁶³ И.Левидова. Рецензия на книгу "Boys and Girls Together". "Современная художественная литература за рубежом". 1963, N11, с.56-59.

⁶⁴ Д.Жуков. Рецензия на книгу "Not Dying". "Современная художественная литература за рубежом". 1964, N3, с.50-53.

⁶⁵ В СССР были изданы две монографии, посвященные творчеству Сарояна: Н.Гончар - "Вильям Сароян и его рассказы", Ер., 1976г., А.Зверев - "Грустный солнечный мир Сарояна", Ер., 1982г.

⁶⁶ С.Довлатов. Девять писем Тамаре Уржумовой. Письмо от 1 июля 1963г. "Звезда", N8, 2000г. Электронная версия журнала на сайте <http://magazines.russ.ru/zvezda>.

Довлатова имени - Хемингуэя, что не могло не отразиться на комментариях к имени Сарояна: "Есть еще Сароян. Вильям Сароян, американский армянин. Очень мило, но фактура уже не та. Прочтите «Человеческую комедию»"⁶⁷. Знаменательно, что имя Сарояна, даже с оговорками о "не той" фактуре, не могло не войти в довлатовскую "великолепную шестерку".

Другой замечательный русский писатель, Венедикт Ерофеев, включил имя Сарояна в принципиально иной ряд. Его письмо сестре датируется 18 января 1966г., или, как отмечает он сам, будучи человеком религиозным, "кануном Крещения". Письмо это не связано с литературой, но затрагивает существенные ценности: сообщая своей сестре о рождении сына, Ерофеев пишет обо всех остальных новостях "совершенно телеграфично", тут же оговаривая, что новости эти - "не "все остальные", а несколько самых устойчивых, *exense*", которые он выстраивает в знаменательный ряд: "...сейчас посмотрю на сына, дочитаю Сарояна, допишу о Малере, дослушаю Стравинского и чуть свет уезжаю в Брянск. Все остальное – потом"⁶⁸.

Таким образом, за почти полувековую историю знакомства советских читателей с У.Сарояном (1935-1975гг.) восприятие, оценки его творчества претерпели существенную эволюцию. Эволюция эта, неизбежно связанная с советской идеологией и историческими коллизиями, достаточно показательна еще и с точки зрения определенной "зеркальности" относительно американского сарояноведения того же периода - от резкого неприятия и отторжения "фашиствующего" апологета буржуазии до признания в нем классика американской литературы. Но главное - Сароян перешагнул за рамки "классики": будучи "и человеком, и писателем всемирным", открытым для "всего человеческого и всечеловеческого"⁶⁹, он стал для советских читателей писателем, знакомство с которым, как считают уже современные русские писатели, "необходимо человеку, как красное вино или мимолетная любовь"⁷⁰.

---

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ В. Ерофеев. Письма к сестре (Тамаре). 18 января 1966. Опубликовано на сайте <http://kirovsk.narod.ru/culture/ludi/erofeev/proizved/pisma.htm>.

⁶⁹ Н.Гончар. "Уильям Сароян. С людьми своего народа". Предисловие к сб. У.Сарояна "Армянин и армянин". Ереван, "Наир", 1994г., с.3.

⁷⁰ М.Москвина. "Житие Даура Зантария, колхидского странника". "Знамя", 2002, N3, с.78.